

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 13, № 4

ЗУМД
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 27

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, изд-во «Наука–Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Дервянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **Вал.В. Полосин** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Абдуллах бин Абдулкадир. «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (1854). Предисловие, перевод с малайского и комментарии *Л.В. Горяевой* 5

Письма Высокомудрого Рэннэ (тетрадь четвертая, письма первое–седьмое). Предисловие, перевод с японского и комментарии *В.Ю. Климова* 24

ИССЛЕДОВАНИЯ

В.М. Рыбаков. Китайские верительные документы периода Тан и их правозащита 43

Е.П. Островская. Буддийская концепция материи: философские идеи и санскритская терминология 56

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

К.А. Битнер. Гармонизация текста в Большом свитке Исайи (1QIsa^a XL 1–3) 67

Т.А. Пан, Н.Г. Пчелин. Портреты цинских военачальников из коллекции Государственного Эрмитажа: реставрация свитков и новое прочтение текстов 74

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

К.Г. Маранджян. История Сахалинского фонда из собрания ИВР РАН 91

С.С. Сабрукова. Платовский хурул (по материалам АВ ИВР РАН) 100

Р.Ю. Почакаев. Значение трудов О.Ф. Акимушкина для изучения государственности и права Восточного Туркестана XVI–XIX вв. 109

Э.С. Русинова. Прадед поэта А.А. Блока — исследователь Средней Азии 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.М. Чунакова. Фрейманские чтения–2016 (Санкт-Петербург, 25 мая 2016 г.) 124

Т.В. Ермакова. Встреча сотрудников ИВР РАН с профессором Иерусалимского университета А.Я. Сыркиным (Санкт-Петербург, 27 июня 2016 г.) 126

РЕЦЕНЗИИ

Апастамба-дхармасутра. Апастамба-грихьясутра. Мантрапатха / Вступит. ст., пер. с санскрита, коммент., прилож. Н.А. Корнеевой. — М.: Наука — Вост. лит., 2015 (Памятники письменности Востока. CXLV) — 438 с. (*С.Х. Шомахмадов*) 134

Железнова Н.А. Дигамбарская философия от Умасвати до Немичандры: историко-философские очерки / Ин-т востоковедения РАН. — М.: Восточная литература, 2012. — 431 с. (*С.Л. Бурмистров*) 138

На четвертой сторонке обложки: портрет Болбунчи. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

© Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей), 2016

Встреча сотрудников ИВР РАН с профессором Иерусалимского университета А.Я. Сыркиным

(Санкт-Петербург, 27 июня 2016 г.)

Т.В. Ермакова

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: А.Я. Сыркин, индология, упанишады, буддизм, религии Индии.

Статья поступила в редакцию 23.07.2016.

Ермакова Татьяна Викторовна, канд. философских наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (taersu@yandex.ru).

© Ермакова Т.В., 2016

27 июня 2016 г. в Санкт-Петербурге, в рамках Открытого теоретического семинара ИВР РАН «Религии Южной Азии» состоялась встреча сотрудников Института с известным ученым-санскритологом профессором Иерусалимского университета Александром Яковлевичем Сыркиным, чье имя неразрывно связано с историей российской индологии второй половины XX в. До 1977 г. ученый трудился в Москве, в Институте востоковедения АН СССР, занимаясь изучением письменного наследия древней и раннесредневековой Индии. В переводах А.Я. Сыркина, опубликованных в 1950–1960-х годах, российский читатель ознакомился с классическим памятником санскритской литературы «Панчатантра» и с упанишадами, древнейшими произведениями индийской религиозно-философской мысли.

В московский период своей научной деятельности А.Я. Сыркин подготовил буддологический труд — комментированный перевод и исследование «Дигха никаи», собрания буддийских канонических вероучительных текстов на языке пали. В настоящее время этот перевод готовится к изданию в России. Им был также сделан академический комментированный перевод санскритского эротологического трактата «Камасутра». Но это издание вышло в свет только в 1993 г., когда ученый уже давно состоял профессором Иерусалимского университета, занимаясь преподаванием индологических дисциплин и продолжая научно-исследовательскую работу.

В 1990-х — начале 2000-х годов в Москве наряду с «Камасутрой» были опубликованы и другие труды А.Я. Сыркина, среди них — исследование и перевод памятника кришнаитской лирики «Гитаговинда» Джаядевы, перевод трактата о сновидениях «Свапна-чинтамани» и переиздания упанишад, в частности, сводное однотомное издание, дополненное переводом ведантийского трактата «Атмабодха».

В годы работы в Иерусалимском университете ученый совмещал индологические исследования с изучением духовных ценностей русской культуры, определявших творчество А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. Пристальное исследо-

Илл. 1.

Эпизод беседы.

Слева: Сыркин А.Я. Справа: Бурмистров С.Л., Островская Е.П., Ермакова Т.В.

вательское внимание А.Я. Сыркина привлекал также характерный для восточного христианства феномен юродства как специфической разновидности религиозного подвижничества. Эта тема нашла отражение в его книге «Спуститься, чтобы вознестись», опубликованной в Иерусалиме в 1993 г.

На встрече с сотрудниками ИВР РАН, протекавшей в форме свободной беседы, А.Я. Сыркин рассказал о своей научной биографии и круге интересов, а также поделился некоторыми впечатлениями, полученными во время путешествий.

Со стороны ИВР РАН в мероприятии участвовали: Е.П. Островская (д.филос.н., гл.н.с., зав. сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии), С.Л. Бурмистров (д.филос.н., в.н.с. сектора Южной Азии), Т.В. Ермакова (к.филос.н., с.н.с. сектора Южной Азии), В.П. Иванов (к.ф.н., с.н.с. сектора Южной Азии); Р.Н. Крапивина (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока), С.Х. Шомахмадов (к.и.н., с.н.с. сектора Южной Азии).

Ниже вниманию читателя предлагается запись беседы, публикуемая с незначительными сокращениями.

Е.П. Островская: Дорогой Александр Яковлевич, мы рады приветствовать Вас в Санкт-Петербурге, в Институте восточных рукописей РАН. Всем нам хорошо известны Ваши индологические труды, внесшие значительный вклад в развитие российской индианистики. Сегодня мы собрались, чтобы более детально узнать о Вашем пути в науке. Расскажите, пожалуйста, как зарождался Ваш интерес к истории индийской религиозно-философской мысли.

А.Я. Сыркин: Все началось с детского увлечения Древним миром, точнее, Древней Грецией, мифами и эпосом. Позднее, в годы отрочества и ранней юности, появился осознанный интерес к культурам Востока и, более определенно, к культуре Индии и буддизму. Мне довелось приобрести у букиниста дореволюционное издание сочине-

ний Шопенгауэра в четырех томах, и меня глубоко заинтересовали высказывания этого мыслителя об упанишадах — о вдохновении, возникающем при чтении этих текстов, о том утешении, которое они дадут ему самому перед лицом смерти. Аналогичное настроение, связанное с древнеиндийским духовным наследием, я обнаружил и в творчестве Льва Толстого. Но русские переводы отрывков из упанишад, публиковавшиеся в XIX веке, были переводы из вторых рук, выполненные не с санскритского оригинала, а с английского и немецкого языков. Хотелось приблизиться к этому отдаленному во времени, но во многом близкому мне мирозерцанию.

Однако интерес к древней Индии не был единственным моим увлечением. Ко времени окончания средней школы я интересовался многим, но ничем из того, что преподавалось в ней. С выбором высшего учебного заведения я определился, решив поступать на филологический факультет Московского государственного университета и специализироваться по классической филологии. Древнеиндийская филология как наука традиционно развивалась в Ленинграде, но не в Москве, где я жил.

С.Х. Шомахмадов: Александр Яковлевич, расскажите о Ваших университетских учителях, о том, что запомнилось из студенческих лет.

А.Я. Сыркин: Нашими учителями были во многом интересные люди старшего, еще дореволюционного поколения. К занятиям классической филологией многие из них вернулись после вынужденного перерыва. Хорошо помню самого замечательно из них — преподавателя древнегреческого языка Сергея Ивановича Соболевского, члена-корреспондента Академии наук. В 1950-х годах ему было уже за 90 лет. Он был братом академика Соболевского, филолога-слависта. Университет тогда располагался в центре Москвы, на Моховой, а Сергей Иванович проживал неподалеку. Мы, студенты, приходили для занятий к нему на дом. Атмосфера его жилища и наших занятий была проникнута духом XIX века. В комнате на стене висело железнодорожное расписание 1890-х годов. Синтаксические примеры в изучении древнегреческого языка он подбирал из московского фольклора XIX века, по аналогии. Эти стихи и песенки уже были давно позабыты. Дореволюционный стиль проявлялся и в привычке Сергея Ивановича при официальных визитах надевать все награды, полученные им за многие годы работы. Ему было свойственно особое чувство юмора. Помню такой диалог. Сергей Иванович наставляет: «Слушайте меня внимательно, когда меня не будет, будете то же самое своим ученикам говорить». Один из нас вежливо замечает, что неизвестно еще, кто раньше из жизни уйдет. А он в ответ: «Да, друзья мои, неизвестно, кто раньше. Но вряд ли уж все вы раньше меня помрете». Все старшее поколение преподавателей кафедры состояло из учеников Соболевского.

Сергей Иванович был чрезвычайно привязан к месту жительства. Рассказывали, будто бы давным-давно он, решившись поехать в Берлин, добрался только до Варшавы и, почувствовав тоску по дому, воротился назад в Москву.

Для домашнего чтения по древнегреческому языку я выбрал приобретенный у букиниста «Апокалипсис» 1820-х годов издания. В то сугубо атеистическое время подобный выбор мог оказаться небезопасным, поэтому я сдавал домашнее чтение, не афишируя источник.

Латынь нам преподавал Александр Николаевич Попов, до революции возглавлявший классическую гимназию. Преподавала у нас и вдова академика Михаила Михайловича Покровского, специалиста по античности, Жюстина Севериновна Покровская.

Однако занятия классической филологией в какой-то момент перестали меня удовлетворять. Мне захотелось переключиться на изучение математики. Отец, узнав

о моем настроении, все же настоял на завершении филологического образования и получении диплома. Я закончил университет в 1953 году.

С.Л. Бурмистров: Александр Яковлевич, а можно узнать, кто был Ваш отец по профессии?

А.Я. Сыркин: Отец был крупным специалистом в области физической химии¹. Но, несмотря на это, идеологическая кампания по борьбе с идеализмом в естествознании задела и его.

Т.В. Ермакова: Александр Яковлевич, у кого Вы обучались санскриту?

А.Я. Сыркин: Санскриту я учился у Михаила Николаевича Петерсона. Он считался «формалистом» в области лингвистики. В те годы это направление лингвистической науки подвергалось критике, и Петерсона клевали. Представляя старую московскую школу, он не был в восторге от идей академика Марра. Когда марровская яфетическая теория была ниспровергнута, с изучением языкознания стало более свободно. Диплом я защищал по санскритологии.

В.П. Иванов: В каком научном учреждении началась Ваша трудовая биография?

А.Я. Сыркин: В 1955 году я был зачислен в штат Института истории АН СССР, в сектор византиноведения и занялся изучением византийского эпоса о Дигенисе Акрите. Это стало темой моей кандидатской диссертации.

С.Х. Шахмадов: Каким образом произошел Ваш переход в Институт востоковедения?

А.Я. Сыркин: В то время в Институте народов Азии АН СССР, как тогда именовался Институт востоковедения, стал работать приехавший из Индии Юрий Николаевич Рерих², и я хотел поступить в возглавляемый им сектор. Однако под руководством Юрия Николаевича мне не было суждено поработать. Он скоропостижно скончался весной 1960 года. В его кончине, можно полагать, сыграли свою роль переживания, связанные с публикацией перевода «Дхаммапады»³.

Е.П. Островская: Вы, наверное, посещали семинар Ю.Н. Рериха?

А.Я. Сыркин: Нет, когда семинар действовал, я еще занимался византистикой, а упанишады только начинал переводить. Некоторые индологические вопросы с коллегами обсуждал, но работал самостоятельно. Учителем моим все же был не Юрий Николаевич, а уже покойный в то время М.Н. Петерсон. С ним я встретился, еще будучи старшеклассником, в подмосковном санатории. Тогда он учил меня теннису, а санскритом я начал у него заниматься уже в университете. Что же касается работы над «Панчатантрой», то моя дипломная работа была посвящена языку этого памят-

¹ Отец ученого, Яков Кивович Сыркин (1894–1974), известен как выдающийся специалист в области физической химии, с 1964 г. академик АН СССР. — *Здесь и далее примеч. публикатора.*

² Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) обладал международной известностью в области буддологических и тибетологических исследований. Его репатриация из Индии в СССР состоялась благодаря личному решению Н.С. Хрущева, к которому ученый обратился в 1956 г. с просьбой о предоставлении советского гражданства. В мае 1957 г. Ю.Н. Рерих прибыл в Москву, и вскоре его зачислили в штат Института востоковедения АН СССР на должность старшего научного сотрудника. В 1958 г. по совокупности трудов ему была присвоена ученая степень доктора филологических наук. Для реализации разработанной Ю.Н. Рерихом научной программы по составлению многотомного тибетско-санскритско-русско-английского словаря в Институте был создан сектор истории философии и религий Востока.

³ Речь идет об издании: Дхаммапада / Пер. с пали, введение и комментарии В.Н. Топорова. Отв. ред. Ю.Н. Рерих. М.: Издательство восточной литературы, 1960 (Памятники литературы народов Востока. III; Bibliotheca Buddhica. XXXI). Публикация комментированного перевода буддийского канонического памятника с обширным введением — очерком буддийского канона и истории его изучения, — не соответствовавшим официальным идеологическим установкам той поры, создала негативную атмосферу вокруг Ю.Н. Рериха как научного редактора этого издания.

ника, перевод текста был выполнен мною уже после окончания университета и в основном завершён к началу моей работы в Институте истории АН СССР.

С.Х. Шомахмадов: С кем из коллег-индологов Вы в то время контактировали?

А.Я. Сыркин: С Татьяной Яковлевной Елизаренковой, Владимиром Николаевичем Топоровым, Павлом Александровичем Гринцером, Александром Моисеевичем Пятигорским. Но все они являлись моими сверстниками, а фигур ранга научного наставника уже не было.

Е.П. Островская: Долго ли Вы занимались упанишадами?

А.Я. Сыркин: С конца 1950-х до второй половины 1960-х годов. Потом, в 1970 году, защитил докторскую диссертацию по исследованию и переводу упанишад. Эти занятия я продолжил и после отъезда из СССР, совмещая их с преподаванием. По плану еще до отъезда исследовал «Гитаговинду», вне плана — «Камасутру». В плановом порядке, как помнится, я исследовал также и палийские канонические сутты.

С.Л. Бурмистров: Почему «Камасутра» была издана только в 1990-х годах?

А.Я. Сыркин: Олег Константинович Дрейер, директор Главной редакции восточной литературы издательства «Наука», думал о публикации «Камасутры». Эротологическую терминологию этого трактата я предлагал дать на латыни, как это делается в медицине или в юриспруденции. Однако в печать «Камасутру» не пускали. Дрейер предложил мне пойти вместе с ним за поддержкой в Отдел науки ЦК КПСС, надеясь убедить, что это будет малотиражное академическое издание. Нас в Отделе науки вежливо приняли, побеседовали о памятнике. Но положительного результата эта встреча, естественно, не принесла.

В то время имела хождение любительская компиляция подобного рода наставлений, не имеющая никакой научной ценности. Одного из владельцев этой рукописи обвинили в распространении порнографии. Мне случилось дать экспертное заключение по этому вопросу для судебных органов. Вроде бы до суда дело не дошло, и моя экспертиза, слава богу, принесла хоть какую-то пользу.

С.Л. Бурмистров: С какими трудностями в изучении санскрита Вы сталкивались?

А.Я. Сыркин: На фоне знакомства с древнегреческим и латинским языками особых трудностей не было. Основное затруднение обуславливалось отсутствием сколько-нибудь полного достаточно адекватного санскритско-русского словаря. Приходилось, в частности, пользоваться семью томами старого словаря О. Бётлингга и Р. Рота. Могу еще добавить, что в моей переводческой практике подчас возникали сложности, связанные с двойной семантикой текста: одними и теми же словами выражалось, например, воспевание мудрости отшельника и чувственных удовольствий.

Р.Н. Крапивина: Каково Ваше личное отношение к буддизму?

А.Я. Сыркин: Буддизм всегда вызывал у меня глубокую симпатию. Если говорить об иерархии интересов, то на первом месте веданта, буддизм, европейская мистика. У меня были контакты, беседы с людьми, высоко ценившими учение Будды, но далекими от индологии. Между прочим, я убедился, что подчас о соответствующей проблематике гораздо интереснее высказываются представители точных, нежели гуманитарных наук. Могу добавить, что сфера религиозного ритуала — это то, что оставляет меня «извне», при полном уважении к ревнителям обрядности.

Т.В. Ермакова: Александр Яковлевич, скажите, пожалуйста, а были ли у Вас сколько-нибудь памятные встречи с представителями той или иной религии?

А.Я. Сыркин: У меня была встреча с митрополитом Сухожским Антонием в Лондоне, и беседа с ним оказалась для меня весьма достопамятной. Это было общение со святым человеком. В известной мере то же было и на Афоне, при короткой беседе со старцем Пахоимом.

Р.Н. Крапивина: Как выразить словами это ощущение?

А.Я. Сыркин: Очень важны условия восприятия. Такое ощущение может возникать при личном общении или же при посещении святых мест. Это — чувство внутренней упорядоченности, умиротворенности. В моей жизни было немного таких эпизодов, Антоний и Пахомий — наиболее яркие. Во время путешествий я нередко посещал храмы. Усталый, заходишь в собор (особенно люблю готику), и сразу же охватывает покой. Все прочее отодвигается на задний план.

С.Х. Шомахмадов: Что входило в сферу интересов индологического сообщества 1960-х годов?

А.Я. Сыркин: Это были многогранные люди с широкими интересами, они чутко реагировали на культуру, на эстетику. Тогда же возникло «практическое» увлечение буддизмом, сформировалась группа последователей Бидии Дандарона⁴, который практиковал буддийские ритуалы. Я не был лично с ним знаком, но знал об этом. Увлечение данной стороной буддизма в тех условиях оказалось чревато драматическими последствиями для многих. Меня практическое проникновение в буддизм не интересовало, но вызывало неизменно уважение. У меня было общение с человеком, юношей увлекшимся буддизмом, бежавшим из гитлеровской Германии и со временем ставшим одним из буддийских иерархов на Цейлоне.

Е.П. Островская: Как Вы решились приступить к переводу «Дигха никаи»? Это ведь довольно обширный палийский источник, весьма непростой для перевода.

А.Я. Сыркин: Меня привлекло в первую очередь само содержание памятника. Это незаменимый источник наших знаний о ранней буддийской догматике, а также важнейшее свидетельство отношения Будды к современному ему ведийскому мировоззрению. Здесь мы находим едва ли не самый интересный текст о последних днях Будды — это значительно превосходящая по объему все остальные сутты сборника XVI «Махапариниббана-сутта». Приступил к «Дигха никае» я в начале 1970-х годов.

В.П. Иванов: Сейчас просматривается перспектива издания «Дигха никаи»?

А.Я. Сыркин: Здесь уместно припомнить слова выдающегося античника Ф.Ф. Зелинского из предисловия к его публикации Овидия: «Обстоятельства, о которых здесь неуместно говорить, задержали выход книги». Так же сложилось и с моим переводом «Дигха никаи». Теперь, хотелось бы надеяться, дело сдвинулось с мертвой точки.

В.П. Иванов: А как Вы пришли к замыслу переводить «Свапна-чинтамани»?

А.Я. Сыркин: Увлек не только текст. Толкование снов как культурно-антропологически обусловленного феномена меня интересовало уже само по себе.

Е.П. Островская: На мой взгляд, Ваш перевод «Свапна-чинтамани» — это, возможно, самая изящная индологическая книга XX столетия, изданная в России.

А.Я. Сыркин: У современного человека едва ли возможны сновидения, подобные описанным в этом тексте. Интерес представляют именно их архетипические элементы, иначе говоря, отраженное в памятнике коллективное бессознательное.

⁴ Дандарон Бидия Дандарович (1914–1974) — буддийский ученый, мыслитель, религиозный деятель, автор трудов по буддологии и тибетологии. Дважды по ложным обвинениям подвергался репрессиям: с 1937 по 1943 г. и с 1948 по 1956 г. находился в заключении. В 1958 г. был полностью реабилитирован. С 1952 по 1972 г. являлся сотрудником Бурятского комплексного НИИ Сибирского отделения АН СССР, где занимался изучением фонда Рукописного отдела. Вместе с Ю.Н. Рерихом участвовал в разработке перспективного плана буддологических исследований по линии АН СССР. В конце 1960-х годов вокруг Б.Д. Дандарона объединилась группа научной молодежи из Улан-Удэ, Москвы, Ленинграда и городов Прибалтики, стремившаяся приобщиться к практическому аспекту буддизма. В 1972 г. ученый был обвинен в создании религиозной секты и приговорен к пяти годам пребывания в исправительно-трудовом учреждении. До освобождения Б.Д. Дандарон не дожил.

С.Х. Шоммахмадов: А что именно Вы могли бы сказать об образном строе буддийских религиозно-назидательных повествований — джатак?

А.Я. Сыркин: Сюжеты джатак далеко не так однозначны, как это может казаться на первый взгляд. В них проводится мысль о том, что и в прошлых рождениях «он», некий персонаж, ученик, был плохим, а «Я», то есть сам Будда, — хорошим, и в некотором смысле черты Учителя приобретают в джатаках более человеческий характер. Замечу, кстати, что в буддийских сюжетах есть и юмор, и комедия положений, и весьма любопытные примеры «жестокого» наставничества. Последнее, возможно, входило в арсенал приемов буддийского учителя. Это — прагматическое поведение Учителя в интересах ученика, принцип общения с учеником в понятных для него поведенческих моделях. Типологическое сходство находим у апостола Павла: с эллинами он как эллин, с иудеями — как иудей.

В.П. Иванов: С кем из зарубежных коллег Вы встречались?

А.Я. Сыркин: С немногими. Помнятся контакты с индологами В. О’Флаерти, Ш. Маламудом, византинистом Георгием Острогорским. Я встречался с Острогорским в Москве в 1950-х годах. Его судьба была похожа на судьбу Набокова, но с той разницей, что Острогорский осел в Сербии⁵. Он сохранил превосходный русский язык, слушать Георгия Александровича было удовольствием. Жизнь в другой стране накладывает свой отпечаток на речь, а в речи Острогорского я этого не ощущал. Такого замечательно чистого русского языка мне не доводилось слышать у других петербуржцев за всю жизнь. Кстати, после отъезда из России у меня всегда связывалось особое чувство с восприятием русской речи. С годами, когда слышишь речь, которую оставил, во всех ее особенностях, ощущаешь своеобразную фонетическую ностальгию. Расскажу об одном таком эпизоде. Среди прочих достопримечательностей Нью-Йорка в 1980 году я посетил здание ООН и там в лифте случайно услышал отрывок пустячной беседы, которую вели сотрудницы из обслуживающего персонала советского представительства. Они говорили о блюдах, подаваемых в буфете, но их московский говор доставил мне живое удовольствие.

Т.В. Ермакова: Как начиналась Ваша преподавательская деятельность в Иерусалимском университете?

А.Я. Сыркин: Уезжая, я почти наверняка знал, что буду работать в этом учебном заведении. Должен сказать, до Иерусалимского университета я не имел преподавательского опыта. Вначале я должен был выбрать язык преподавания, со временем столкнулся с проблемой отсутствия в иврите эквивалентов для ряда терминов индийской религиозно-философской мысли. Я заготавливал конспекты своих лекций на русском языке, а преподавание вел на иврите. Языковые эквиваленты подчас приходилось подбирать вместе со студентами. Преподавал я круглым счетом 20 лет, до выхода на пенсию в 1998 году.

Т.В. Ермакова: Какие лекционные курсы Вы читали?

А.Я. Сыркин: Читал курс по догматике классического буддизма, по веданте, по кришнаитской лирике и т.д. Учебные группы были сравнительно невелики, не больше 10–15 человек.

⁵ Острогорский Георгий Александрович (1902–1976) — историк-византист, один из крупнейших византистов XX в. Родился в Петербурге, в революционные годы вместе с родственниками уехал в Финляндию. Учился в Гейдельбергском университете, в дальнейшем работал в университете Вроцлава, затем в Праге. Во время Второй мировой войны содействовал эвакуации Археологического института им. Н.П. Кондакова из оккупированной Праги в Белград. С 1941 г. штатный профессор Белградского университета. С 1948 г. до кончины работал в организованном им Византологическом институте при Сербской академии наук. Академик Сербской АН (1948). Член 15 академий и научных институтов Европы и Америки, почетный доктор Оксфордского и Страсбургского университетов.

Т.В. Ермакова: А Вам удавалось выкроить время для путешествий?

А.Я. Сыркин: Учебный год был организован таким образом, что с июня по октябрь я был свободен, кроме того, я имел около месяца каникул между семестрами плюс две-три недели пасхальных праздников, и в сумме это составляло почти полгода каникул, что дало мне возможность посетить не только страны, непосредственно связанные с индийскими духовными традициями, но и целый ряд мест в Европе, Азии, Латинской Америке и т.д.

С.Л. Бурмистров: Преподавали ли Вы в других университетах?

А.Я. Сыркин: Я не пользовался возможностью преподавать в каких-либо других учебных заведениях. Возвращаясь к теме путешествий, скажу, что они обогатили меня в том числе и «этнографическими» наблюдениями. Так, я побывал на островах Фиджи, Самоа, Тонго. Между прочим, о фиджийцах остались самые теплые воспоминания. Зашел в молельный дом, видимо, евангелического толка, во время службы. Собравшиеся заинтересовались, откуда я. Назвался, сказал, что из Иерусалима. И буквально тут же проповедник в другом конце зала провозгласил: «К нам прибыл брат из Иерусалима, приветствуем его». Они меня после службы пригласили поехать с ними в госпиталь к инвалидам. Приехав туда, они стали петь гимны. Стемнело, достали свечи и продолжали петь. Пошел дождь, они достали зонтики и продолжали петь. И эти люди в не столь уж далеком прошлом занимались канибализмом! Между прочим, среди фиджийских сувениров — специальные вилки, применявшиеся в канибальской практике.

Е.П. Островская: Последний вопрос. Считается, что Иерусалим обладает особой атмосферой, привлекающей людей со всего света. Что Вы могли бы сказать об этом?

А.Я. Сыркин: Разумеется, ореол святости этого города, святого для трех религий, оказывает немалое эмоциональное воздействие, воодушевляет.

Е.П. Островская: Спасибо, Александр Яковлевич, за содержательную беседу. Нам было очень интересно встретиться с Вами.

А.Я. Сыркин: Взаимно. Буду всегда рад нашим контактам.

A Meeting of IOM RAS Staff with Professor A.J. Syrkin (Jerusalem University)

(St. Petersburg, June 27, 2016)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 4, pp. 126–133)

Received 23.07.2016.

Tatiana V. Ermakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: A.Y. Syrkin, Hindu Studies, Upanishads, Buddhism, religions of India.

About the author:

Tatiana V. Ermakova, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (taersu@yandex.ru).